

Кугай Александр Иванович

д-р филос. наук, профессор

Северо-Западный институт управления

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-97947

НЕОЭССЕНЦИАЛИЗМ КАК УЧЕНИЕ О ПАТТЕРНАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ТЕОРИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Аннотация: статья представлена в качестве альтернативы либеральному мультикультураллизму, опираясь на ранние взгляды Фридриха Ницше, предлагает новое прочтение эсценциализма, рассматривая культуру с позиции паттернов человеческой жизни, которые его составляют. Эта альтернатива утверждает, что образцовая жизнь превосходит поток культуры и индивидуализирует одну культуру от другой. Взаимодействие с другими людьми может привести к их признанию превосходства примеров совершенной жизни наших героев. Это признание со стороны других является весомым доказательством нашего вклада в человечество, а также может обосновать чувство культурного самоуважения. Неоэсценциализм как учение о паттернах человеческой жизни дает альтернативный способ размышления посредством диалога о культурных достижениях, а не через обсуждение политические вопросов. Поэтому наиболее эффективным направлением достижения сплоченности является не искусственное конструирование национальной идентичности, а неоэсценциалистский культурологический подход как обращение к прошлому человечества и его продолжающемуся великолепию.

Ключевые слова: культура, мультикультураллизм, эсценциализм, неоэсценциализм, паттерны человеческого совершенства, Фридрих Ницше.

Какое понятие культуры лежит в основе нормативного проекта мультикультурализма? Для многих ученых теория и практика мультикультурализма опиралась на эссенциалистскую концепцию культуры, согласно которой культура определяется некоторым существенным набором характеристик, чаще всего некоторым набором верований, ценностей и практик [4]. Эссенциалистская точка зрения не оправдала себя, поскольку большинство ученых утверждают, что, идентифицируя некоторую «сущность» культуры, мы овеществляем ее, тем самым замалчивая и маргинализируя тех членов культуры, которые отвергают или страдают от этой «существенной» характеристики [3; 6; 7]. В последние годы стало трендом – некой интеллектуальной модой подвергать беспощадной критике эссенциалистские основы социального бытия. Но именно природные и социокультурные онтологические основы человеческого бытия, «малая родина» [1] являются источником этнокультурного многообразия, своего рода строительным материалом социально-конструктивистских технологий формирования полиэтнических гражданских наций. К тому же, если все культуры существуют в постоянном движении, то политики не могут индивидуализировать культуры и проводить различие между культурными изменениями и утратами.

Поэтому следовало бы пересмотреть культурный эссенциализм, сформировать неоэссенциалистскую концепцию культуры, которая избегает обычных проблем с классическим эссенциализмом. Ключ к решению этой проблемы содержится в ранних взглядах Ф. Ницше. Определяя природу и назначение культуры, Ницше в книге «Шопенгауэр как педагог» утверждает, что – это «сообщество, которое «держится вместе... фундаментальной идеей», а именно: «способствовать производству философа, художника и святого внутри нас и вне нас» культура – это партнерство для культивирования «добра из самых редких и ценных образцов» [2]. В этих и многих других комментариях Ницше развивает концепцию культуры, цель которой состоит не столько в том, чтобы выразить образ жизни народа., но скорее – для продвижения человеческого совершенства. Таким образом, культура определяется в соответствии с ее целью, в соответствии с теми образцовыми человеческими существами, которых она породила и которых она

может создать в будущем. Эти человеческие существа достигают своей человечности, становясь автономными, законодательно устанавливая принцип, по которому они должны жить для себя и для других. Действительно, они становятся образцовыми в двойном смысле – они вводят новый стандарт человеческого совершенства и также служат примером совершенства в соответствии со своим собственным стандартом для других.

Паттерн – это человек, который, во-первых, создает новый способ жить человеческой жизнью и влияет на других, обретая интерсубъективную значимость, позволяя следовать его примеру. Во-вторых, примером является тот, кто полностью соответствует идеалам, составляющим этот образ жизни. Таким образом, данный подход, который можно определить, как неоэссенциалистский, – более полезен для мультикультурного проекта, который преодолевает этический универсализм, но также избегает субъективизма, требуя, чтобы образ жизни определял или формировал культурную общность.

Паттерн может быть значим только в том случае, если он обогащает жизнь других людей, предоставляя им новый тип жизни, которым они восхищаются и стремятся соответствовать. В этом смысле примеры приносят пользу человечеству, расширяя «понятие человека» и делая «его более красивым».

Общую проблему человеческого бытия Ф. Ницше видел в лености, ибо из-за нее люди кажутся фабричным товаром, безразличными существами, недостойными общения и поучения. Человеку, который не хочет принадлежать к массе, достаточно только перестать быть инертным в отношении самого себя. Соответственно, жизненным образцом является тот, кто пробуждает нас, встремливает нашу жизнь, направляя ее на достижение вершин в богослужении, науке, философии, искусстве, инженерном деле, медицине, педагогики, спорте, управлении общественными делами, бизнесе и т. д. «Для меня философ имеет значение ровно настолько, насколько он может давать пример. Что своим примером он может увлечь за собою целые народы, – в этом нет сомнения; это показывает история Индии, которая почти тождественна с историей индийской философии». он должен давать пример своей видимой жизнью, а не только книгами, т. е. так,

как учили философы Греции: выражением лица, осанкой, одеждой, едой, привычками более, чем речью, и тем паче писаниями. «Кант был верен университету, подчинялся правительствам, сохранял видимость религиозной веры, выносил своих коллег и студентов; естественно, отсюда его пример породил университетских профессоров и профессорскую философию» [2].

Кроме того, примеры важны для нас, потому что они вдохновляют нас на культурную и политическую деятельность. Члены общества вдохновляются не

повседневными нормами, а скорее теми индивидами, которые делают что-то экстраординарное, либо следуя им, либо нарушая их. Действительно, вдохновение, которое дают примеры, во многом обеспечивает мотивационную энергию в культуре, а также в политическом режиме, который поддерживает и поддерживается этой культурой. В случае либерального режима, например, граждане не мотивированы защищать свой режим просто из абстрактной приверженности к справедливости или из собственных интересов, правильно понимаемых. Граждане с юных лет воспитываются в либеральной культуре чтить деяния и жизнь людей, которые создавали, защищали или выступали против законов и принципов своей страны. Эти примеры могут помочь людям оценить их собственную политическую активность и направить их к творческому или достойному восхищению деятельности в служении правам меньшинств, верховенству закона. Социализированные в консервативной традиции граждане – прагматики иного рода, опирающиеся на образцы жизни, святых, писателей, поэтов, ученых, философов, государственных деятелей и художников, утверждающих духовно-нравственные ценности, которые, в отличие от политической ситуации, не подвержены существенным изменениям. Герои – носители базовых ценностей народов. Культ героя – наиболее эффективный способ трансляции высших духовных ценностей от поколения к поколению, от сердца к сердцу.

Определение того, кто считается исключительным, не является простым делом, и нет никакой окончательной или объективной перспективы для вынесения такого суждения. Во-первых, эта задача относится к интерсубъективному суждению, сделанному конкретной культурой из которого возникает образец. Однако,

---

поскольку примеры не просто представляют конкретное сообщество, но принадлежат человечеству в целом в своем проявлении человеческого превосходства.

Не существует мирового суда примеров, образцы начинают свой путь к признанию мира через их конкретную культуру, которая затем делится своими образцами с другими культурами, которые приходят, чтобы оценить их и поделиться ими с другими на протяжении многих поколений, как в случаях с Шекспиром или Достоевским.

Во-вторых, мы можем идентифицировать примеры, находя тех, кто оказал решающее влияние на создание определенного культурного сообщества или переосмысление практики сообщества. Однако некоторые индивидуумы, к примеру, Алексис де Токвиль, могли оказать решающее влияние на различные культуры, так что было бы трудно индивидуализировать культуры, основанные на этих примерах. Очевидно, это не недостаток, а преимущество неоэссенциалистской теории. Культуры, в этом отношении не являются «монадами без окон», отделенными друг от друга, но смешиваются в общих концепциях человеческого превосходства.

С этой точки зрения культура меняется, когда меняются верования, обычаи и ценности сообщества или, когда появляются новые образцы, формирующие культуру и принимающие ее. В противоположность этому, когда культура теряет свои образцы – поскольку сообщество забывает о своих основателях или вынуждено отказаться от них, – то оно испытывает утрату. Например, если Россия перестанет читать Гоголя и слушать Бородина, то предаст забвению столь существенную часть своего бытия и таким образом станет иной культурой. Это различие, таким образом, делает примеры существенными, а верования, ценности и практики – случайными для культуры. Однако быть случайным для культуры – это не то же самое, что быть одноразовым. В конце концов, примеры демонстрируют новое культурное содержание, новые верования, ценности и практики, или изменяют их фундаментальным образом. В результате некоторые верования, ценности и практики служат предпосылками для того, чтобы сделать образцы понятными культуре, а также для воспитания новых образцов.

Таким образом, есть два важных способа, которые позволяют преодолеть культурные различия. Во-первых, поскольку совершенство универсально, но во-площено или выражено в различных конкретных культурах, мы можем изучать и ценить другие формы человеческого совершенства. Соответственно, культуры не являются непрозрачными друг для друга, замкнутыми в самих себе, накладывая друг на друга обременительные издержки для признания или поддержки их. Напротив, каждая культура обогащает человечество в целом и тем самым приносит пользу всем другим культурам. Чем больше культур, существующих в нашем обществе, тем большими ресурсами мы обладаем для образцов хорошей жизни. Как таковое, единство культур в обществе не обязательно должно создаваться политикой, но может быть непосредственно порождено культурным капиталом, разделяемым между самими общинами.

Во-вторых, мы можем лучше изучить и оценить нашу культуру, наши собственные образцы, сравнивая их с другими культурами и образцами. Типичный эссециалистский подход изображает культуры как замкнутые в себе единицы, чьи практики понятны только им самим. Однако, с точки зрения примера, культуры сохраняют человеческое совершенство, а не только совершенство в соответствии с одной специфической группой. Культуры поэтому они всегда указывают за пределы самих себя на то, что они вносят в человечество в целом [4] Соответственно, представители культуры всегда стремятся расширить свой кругозор и взаимодействовать с другими культурами для того, чтобы достичь самопознания собственного совершенства. Поступая таким образом, мы можем прийти к пониманию того, что является отличительным в наших собственных героях, как именно они вносят что-то не только для нас, но и для человечества в целом. Взаимодействие с другими людьми может привести к их признанию превосходства наших примеров другими. Это признание со стороны других является доказательством нашего вклада в человечество, вызывающее чувство культурного самоуважения.

Таким образом, наиболее эффективным направлением достижения сплоченности является не искусственное конструирование национальной идентичности,

а неоэссенциалистский культурологический подход, как обращение к прошлому человечества и его продолжающемуся великолепию.

Список литературы

1. Кугай А.И. Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. – 2018. – №5. – С. 152–161.
2. Ницше Ф. Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель / Ф. Ницше. Сочинения в 3 т. Т. 2. Странник и его тень. – М.: REFL-book, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/NICSHE/razmyshleniya3.txt>
3. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. – New York: John Wiley & Sons. 2013.
4. Hurka Th. Nietzsche: Perfectionist // Nietzsche and Morality, ed. Brian Leiter and Neil Sinhababu. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 9–31.
5. Mason A. Multiculturalism and the Critique of Essentialism // Multiculturalism and Political Theory, ed. Anthony Simon Laden and David Owen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 221–243.
6. Parekh B.C. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. – Cambridge, MA: Harvard University Press. 2002.
7. Phillips A. Multiculturalism without Culture. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.